

“А БЫЛ ОН ЛИШЬ СОЛДАТ...”

Я помню их, ты запомни меня, а тебя запомнят, кто после тебя народится, те будут неизвестные – еще лучше тебя. Так и будет жить один в другом, как один свет.

Андрей Платонов.
Свет жизни

Вот уже восемь лет земной шар живет без Славика Петрова. Без неизвестного ему череповецкого парня, встретившего свой смертный час на чужой земле двадцати лет от роду.

Командование воинской части сообщило матери солдата:

“Уважаемая Алевтина Ивановна!

С глубоким прискорбием к Вам обращается командование части, где проходил службу Ваш сын, рядовой Вячеслав Петров.

Выполняя свой служебный и интернациональный долг на территории ДРА, 17 июня 1984 года, проявив стойкость и мужество, Вячеслав погиб в бою с мятежниками...”

Хоронили Славу в Череповце, хоронили весьма скромно, без официальных речей, без митинга, как хоронили тогда сотни, тысячи убиенных вдали от Родины наших ребят, словно бы и не с полей сражения привозили этих парней в цинковых “бушлатах” их матерям во все города и веси российские, а с какой-нибудь пьяной скандальной драки, о которой на миру и говорить-то совестно. И это останется нашим великим позором, который не замолить нам никакими молитвами во веки веков.

В восемьдесят третьем, кажется, году на городском кладбищенском мемориале шел митинг в честь Дня Победы. Отцы города много говорили с трибуны о памяти, о происках империализма, о поджигателях новой войны, о нейтронной бомбе. Но ни один из ораторов ни словом не обмолвился о том, что вот тут же, на краю мемориальной площади, уже появился ряд свежих могил, а в тех могилах – первые жертвы Афганистана. Никто не предложил многотысячной толпе участников митинга почтить наряду с на-

шедшими вечный покой в этой земле воинами Великой Отечественной и память этих так безвременно ушедших ребят. А над свежими захоронениями бились в рыданиях матери юных солдат, и эти рвущие душу рыдания заставили содрогнуться людей, оцепенеть в недоумении: как это можно – не разделить с ними их безутешного горя?

Что, не знали руководители горкома партии и горисполкома, кто лежит в этих могилах? Знать-то знали, да велено им было держать язык за зубами: Афганистан, по идеологическим установкам того времени, никого не убивал. И молчали.

Потом еще привозили в наш город цинковые гробы с погибшими “за речкой” ребятами, и их тоже закапывали наспех на разных кладбищах. Теперь спохватились: надо было создать общий “афганский” мемориал, да поди собери сейчас все косточки. Вот она, наша память!

А памяти достоин каждый “афганский” солдат. И слава Богу, что дожили мы все-таки до поры, когда пришел конец позорному умолчанию о суровой доле, выпавшей нашим мальчишкам, – доле фронтовиков, многие из которых стали жертвами той необъявленной войны. Наконец-то мы перешагнули через обветшавшую идею приоритета классовых интересов. Многие десятилетия нам внушали, что ради этой высокой идеи не жаль принести на жертвенный алтарь жизнь любого отдельно взятого человека. Помните, у Светлова:

Отряд не заметил
Потери бойца
И “Яблочко”-песню
Допел до конца...

Донезамечались. Лучший цвет армии в свое время угрошили, теперь вот тысячи славных и умных ребят в Афгане положили! Нет, не светловская ура-революционная патетика ближе сегодня нам, а вот это платоновское: “...без меня народ неполный”.

Вот и без Славика Петрова народ тоже неполон.

Я пристально вглядываюсь в дорогие реликвии в квартире его матери, в квартире, в которой сам Слава никогда не бывал, потому что Алевтина Ивановна получила ее уже как мать погибшего воина. Одна из стен этой квартиры – своеобразный музей-мемориал. На ней любовно приклейены, приколоты, подвешены самые различные Славиковые вещи: школьные табеля успеваемости, боевые награды и грамоты

командования, картины-инкрустации, некогда подаренные ему друзьями, здесь же богатая коллекция собранных с мим Славой значков и его увеличенный портрет – произведение еще “гражданских” дней (военных фотографий Вячеслава я не видел). Все в этой квартире напоминает о Славике, во всем живет неповторимый мир его души.

Алевтина Ивановна Петрова мало видела в жизни радости. Двоих детей, Славу и Свету, воспитывала в основном одна, работая дворником (а иначе – где жить?), и доход имела соответственно этой должности. Уже потом сменила она место работы и сейчас трудится упаковщицей на сталепрокатном заводе. Но как бы ни приходилось трудно семье, дети никогда не чувствовали себя в чем-то ущемленными, а материнской любви и ласки получали, может, побольше других. “Слава у меня очень аккуратный мальчик был, – вспоминает Алевтина Ивановна, – любил рисовать, увлекался поделками, значки вот собирал. Не скажу, что во всем он был идеальным, не был отличником в школе или училище, характер свой имел, но очень он был добрый, внимательный паренек, дружить умел и с людьми был общительным”.

Да, Слава любил жизнь и думал, что этой жизни у него впереди еще ой как много. А между тем время подскочило и военкомат вручил ему повестку в армию. Кто уходил служить, помнит, как тревожен этот момент: не знаешь ведь, что ждет впереди, где будешь, да и по дому тоска смертная, по семье. А Славик в ту пору и вовсе мать донельзя расстроил, заявив, что его убьют, да не однажды эти слова повторил. А сам еще ни сном ни духом не ведал, что попадет в Афганистан. Вот и не верь после этого предчувствиям.

Однако с тоской новоиспеченный солдат, похоже, спрашивался. Уже в первом письме из армии успокаивал маму: “...26.09.83 мы прибыли утром в Вологду, там пробыли на сборном пункте два дня и прошли комиссию, а 28 вечером выбыли из Вологды и проездом через Череповец – прямо в Ленинград. Приехали в часть в г. Выборге 29-го часов в 12, а вечером уже переоделись в форму. Друг над другом смеялись, все висело, как балахон. <...> Уже натер мозоль, прихрамываю маленько, потому что не умею заматывать портянки”.

Знал ли молодой солдат, что первые трудности армейской службы – еще не трудности, что главное испытание – впереди? Может, и чувствовал это, но пока что привыкал, как и все новобранцы, к неудобствам и тяготам, неизбеж-

ным в солдатской жизни. Умел быть и серьезным, и веселым, и друзьям своим радовался. “Скушать некогда,— напишет он матери,— парни у нас отличные, с одним в 6-й школе учились, да два — из нашего училища”. Служба с земляками помогала ребятам переносить разлуку с родными, не раскисать, укреплять друг в друге надежду, и Славик охотно писал о своих друзьях: “Опять попали с Олегой Осиповым, что учились вместе в училище, в одну роту и один взвод, а из Череповца нас четверо, так что весело”; “Конечно, много уже повидал из военной службы. Есть и несправедливость, но хороших людей хватает везде, ребята во взводе очень хорошие, живем очень весело, дружно и интересно”; “Олега Осипов, мой друг, уже в Афганистане...”

Умел Славик Петров и любить по-настоящему и не жалел для любимой ласковых слов и нежности: “Наташе передайте сердечный привет, мое пожелание ей — поступить в институт. И передайте, что я люблю ее и скоро вернусь”. Потом в своих письмах Вячеслав еще не раз уверял, что его девушка — самая лучшая на земле и что он ее очень и очень любит. И все ждал заветной встречи.

Надежда жила в нем даже тогда, когда он точно знал, что его направят в Афганистан, что впереди жестокие бои. “В Афганистане год службы будет идти за три, но много и льгот после армии...” — писал он так, словно видел себя уже “на гражданке”. Трудно читать письма Славы, когда знаешь, что надежда его подвела, что не суждено ему было дожить до встречи с родными, с любимой девушкой. И все же читаю эти письма, то рассудительные, то смешливые.

“Я думаю: жизнь человека — это прекрасная штука, какая бы она ни была”. Оптимист он, Славик Петров, другого не скажешь.

Из туркменских краев Вячеслав пишет: “А здесь пустыня, пески, деревьев очень мало. < ... > Кормят — на убой”. От последних слов — мурашки по коже. Лучше бы Слава не прибегал к такой метафоре...

Еще выдержки из последних его писем: “Можете спать спокойно, жить мирно, мы и наша техника не подведем”.

“Но я, конечно, как думаю, изменился, особенно характером. Мне кажется... да, я, конечно, исправился в лучшую сторону. < ... > Каждый, конечно, знает, что армия меняет человека”.

Дыхание войны рядовой Петров ощущал уже совсем рядом и об этом доверительно писал матери из госпиталя,

где некоторое время лечился от желтухи: “Я узнал: все наши попали в Афган, и уже 15 человек – на том свете. Жаль, конечно, но что поделаешь, долг перед Родиной – прежде всего, ведь мы теперь защитники Отечества”. Последние слова Слава подчеркнул жирной линией. Выходит, многое значили эти слова для солдата, ко многому обязывали его. Он-то помнил про свой воинский долг, как помнили о нем и тысячи других наших воинов-“афганцев”.

А далеко от Кабула, на Большой земле, жили и такие люди, для которых эти слова были не более чем политической фразой. Жрецы-идеологи тех лет заклинали молодую ребячью поросль “до конца выполнить воинский долг”, призывали парней в солдатских шинелях свершить “историческую миссию”. Однако они, эти творцы ура-лозунгов и патриотических клише, великодушно прощали неисполненный долг своим чадам и внукам, а в пекло боев шли в основном ребята из рабоче-крестьянских семей да дети неноменклатурной интеллигенции. Были, конечно, и в аппаратной среде, и в военном ведомстве совестливые люди, которым претила всяческая элитарщина. Помню, например, с каким сарказмом говорил с телезкрана ныне покойный председатель Комитета ветеранов войны Кирилл Трофимович Мазуров о том, что из всего его большого дома, населенного высокопоставленными партийными и государственными чинами, только его внук служит в армии. Уводили номенклатурные чины своих сыновей от солдатской лямки, от армейской службы вообще, не говоря уж о “горячем” Афгане.

После необходимой подготовки Вячеслав был направлен в Афганистан. Перед этим он написал матери: “Если буду писать “полевая почта”, значит, я в Афганистане. И главное – не обижайся, что мало буду писать”. Письмо было датировано 24 февраля 1984 года. Затем пришла еще одна весточка и Славик надолго замолчал. А потом это молчание взорвалось тем страшным “казенным” письмом, о котором было упомянуто вначале. Вот его продолжение: “...Это случилось около 4 часов утра. У одного из наших* пунктов завязался тяжелый бой между бандой мятежников и местным населением. Подразделение, в составе которого находился Ваш сын, вышло на помощь мирным жителям. Действия смело и грамотно, рядовой Петров занял удобную позицию и открыл меткий и уничтожающий огонь по про-

* Так в тексте.– Примеч. сост.

тивнику. Своими умелыми действиями он неоднократно заставлял отступать мятежников. В течение всего боя Вячеслав вел себя мужественно и отважно, уничтожив в этом бою семерых мятежников и подавив 4 огневых точки противника. Одной из вражеских пуль он был убит..."

Славик Петров родился 7 января 1964 года. В день рождения Христа. А прожил на этой земле на тринадцать лет меньше. По-божески ли?

Тяжело читать строки о том, что в боях "между бандами мятежников и местным населением" нашим ребятам приходилось главный удар принимать на себя. Сейчас-то мы многое переосмысливаем в афганском девяностилетии. Последние события в Афганистане еще больше убеждают, что большинство афганцев поддерживали именно оппозицию, а не кабульский режим. И, может быть, самая настоящая трагедия заключается в том, что своим вторжением в Афганистан мы спровоцировали там бесконечно долгую гражданскую войну.

А о Славике Петрове – что еще сказать? В письме командования части Алевтину Ивановну благодарят за воспитание сына – защитника Родины, не дрогнувшего перед лицом опасности и до конца исполнившего свой воинский долг.

Значит, от сердца шли те слова в письме Вячеслава, которые он подчеркнул жирной линией. Он погиб за дело, в которое свято верил.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Вячеслав Всеволодович Петров награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

К. Григорьев